

УДК 1(470)

МЕТОДОЛОГИЯ ТАРТУСКО-МОСКОВСКОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА¹

Бурсевич В. В., аспирант

В статье осуществляется анализ методологических стратегий исследования текста в рамках Тартуско-Московской семиотической школы. Особое внимание уделяется проблеме корреляции таких феноменов, как текст и идеология. Автор пытается ответить на вопрос, сохраняют ли методологические презумпции представителей школы познавательный потенциал в отношении современной проблемы идеологического анализа текста.

THE METHODOLOGY OF TARTU-MOSCOW SEMIOTIC SCHOOL AND THE QUESTION OF THE IDEOLOGICAL TEXT ANALYSIS

Bursevich V.V., Postgraduate Student

The article examines methodological strategies to text investigation offered by the representatives of Tartu-Moscow semiotic school. The main attention is devoted to the aspects of correlation between such phenomena as text and ideology. The author tries to answer the question whether methodological backgrounds of School keep heuristic potential in connection with a contemporary problem of ideological text analysis.

Неизменный интерес философской мысли к семиотическим и лингвистическим проблемам может быть объяснен тем, что «каждая культурная система и каждый акт общественного поведения, – как отмечал американский лингвист Э. Сепир, – явно или скрыто подразумевает коммуникацию» [1, с. 321], т. е. культуру можно рассматривать как гигантское сообщение человечества самому себе. Такая точка зрения означает семиотизацию и текстуализацию универсума. Особенно это касается современного этапа развития общества, когда распространение средств массовой коммуникации подменяет общение человека с физическими объектами общением с текстами различной природы. В этой связи, проблема понимания понятия «текст», а также анализа конкретных текстов становится особенно значимой.

Одновременно, лидирующие позиции в рейтинге наиболее актуальных вопросов занимают сегодня проблемы, связанные с исследованием феноменов властного воздействия и господства, а также идеологии. Несмотря на то, что попытки осмысления сущности идеологии предпринимались в философской и социальной мысли достаточно давно, начиная с работ французских

---

¹ Бурсевич, В.В. Методология Тартуско-Московской семиотической школы и проблема идеологического анализа текста / В.В. Бурсевич // Философия и социальные науки. – 2010. – № 2. – С. 32-38.

идеологов 18 века, однако именно в современную эпоху эта проблема обрела поистине колоссальное значение.

Хотя проблема идеологии содержит в себе множество самых различных аспектов, у нее имеется одна сторона, обретающая особую актуальность в связи с интересом к философии языка и семиотике. Этот аспект – взаимоотношение идеологии и языка. Уже М. М. Бахтин, пытаясь связать феномены сознания и идеологии, находит опосредующее звено именно в языке: «все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т.е. является знаком. Где нет знака – нет и идеологии» [2, с. 302]. На вопрос: почему идеология в ряде концепций связывается именно с языком, – убедительно отвечает французский семиотик Р. Барт: «всякое господство начинается с запрета на язык» [3, с. 83]. Таким образом, семиотический подход к идеологии оправдывается, во-первых, тем, что идеология существует, только воплощаясь в знаковые формы; во-вторых, язык как социальный посредник оказывается сгустком идеологии.

Проблема связи языка и идеологии нашла отражение в работах многих исследователей, как в лоне семиотики Р. Барта и Ю. Кристевой, так и в рамках такого междисциплинарного направления, как дискурс-анализ. Однако, не отказываясь от обращения к многочисленным западным семиотическим исследованиям, следует более подробно проанализировать не менее оригинальные концепции, сложившиеся в рамках близкой нам, как в культурном, так и в языковом отношении, русской традиции, а именно в Тартуско-Московской семиотической школе. Поэтому цель данной статьи – проследить, не оставляют ли основные методологические презумпции Тартуско-Московской школы пространства для идеологического анализа и, следовательно, имеются ли перспективы для использования методологии тартуско-московских семиотиков в контексте идеологического анализа текста. Для ответа на эти вопросы будет предпринята попытка реконструировать специфику понимания идеологии и ее связи с понятием «вторичных моделирующих систем» в работах представителей школы. В статье предполагается рассмотреть, как все уровни текстового анализа Тартуско-Московской школы могут быть связаны с проблемой идеологической нагруженности текста:

– начиная со структурного анализа, на уровне которого проблема идеологических структур текста может подниматься в связи с такими методологическими принципами школы, как пространственное понимание текста и аналогия текста и личности;

– продолжая динамическим уровнем анализа, в рамках которого принцип гетерогенности может служить основой для обнаружения множественности идеологических структур текста;

– заканчивая прагматикой текста, позволяющей выявить возможности идеологического воздействия текста на воспринимающего.

Тартуско-Московская семиотическая школа, зародившись в 1962–1964 годах, объединила в рамках Летних семиотических школ таких выдающихся семиотиков, лингвистов и литературоведов, как Лотман Ю. М., Топоров В.

Н., Иванов Вяч. Вс., Пятигорский А. М., Ревзин И. И. и многих других. Несмотря на то, что представители школы никогда не ограничивали себя рамками искусственно созданного единства, а многие теории создавались по ходу исследования конкретного эмпирического материала как объясняющие гипотезы, за всем многообразием имен и подходов прослеживается бесспорная концентрация исследовательского внимания на проблеме текста, а также поиске методологических стратегий его анализа.

Естественно, нельзя ожидать, что проблема взаимосвязи текста и идеологии может быть проявлена у тартуско-московских семиотиков в столь широком объеме, как она представлена в работах западных авторов. В том замкнутом, насквозь пропитанном властными воздействиями официальной идеологии социальном пространстве, в котором приходилось работать исследователям, проблема анализа идеологии как таковой и ее связи с производством речи вряд ли могла быть отчетливо поставлена и объективно разрешена.

Необходимо также отметить, что русских исследователей отличает даже некоторое сознательное избегание идеологических вопросов, которое проявлялось, как в замкнутости самой исследовательской группы (семиотические конференции для их участников стали неким спасительным островом научной свободы), так и в тенденции на замыкание объекта исследования, обращение к истории, а не современности, что неоднократно инкриминировалось семиотикам как основной недостаток школы. На первый взгляд, все вышесказанное, казалось бы, делает невозможным постановку вопроса о каком-то идеологическом анализе в семиотике Тартуско-Московской школы. Но то, что во главу угла русскими семиотиками был поставлен не просто структурный анализ, но исследование процессов конвертирования текстов в рамках культуры и конкретных коммуникативных ситуаций, а следовательно, взаимодействие автора и читателя, неизбежно предполагает связь с проблемой идеологического воздействия. Помимо прочего, следует вспомнить и о том, что именно понятие текста в рамках семиотики, особенно западных ее направлений, ориентированных на идеологический анализ, часто противопоставляется тотальности идеологической системы. Таким образом, обращение семиотиков Тартуско-Московской школы к проблеме текста, его структуре и, особенно, к прагматике текста имплицитно подразумевает исследование идеологических структур, пронизывающих текст.

Следует признать, что непосредственно понятие «идеология» относительно редко встречается в текстовых анализах Тартуско-Московской школы. Но это еще не означает, что подобная проблематика однозначно исключается их методологией. Возможно, некоторые оттенки понятия «идеологии» проявляются в иных категориях, используемых представителями школы. Здесь в наших исканиях на помощь совершенно неожиданно приходит Р. Барт, чья методология, бесспорно, в корне отлична от методологии Тартуско-Московской школы, но чьи работы, посвященные исследованию сущности и роли феномена идеологии, можно рассматривать в качестве программных,

поскольку он одним из первых осуществляет попытку рассмотреть идеологию через призму языка. Важным для нас оказывается замечание Р. Барта о том, что в качестве субстрата идеологического знака используется не материя, но уже имеющийся смысл, который приобретает дополнительный оттенок. Благодаря флеру, набрасываемому новой символической системой на первоначальную знаковую базу, «текст как бы ведет человека» [4, с. 306]. Таким образом, идеология связывается с понятием вторичной знаковой системы, надстраиваемой над первичным слоем языка.

Следует напомнить, что одним из ведущих концептов Тартуско-Московской школы является именно понятие «вторичных моделирующих систем», под которыми предлагается понимать такие системы, которые, возникая на основе естественного языка, получают дополнительную вторичную структуру. Однако, если представители западной ветви семиотики подчеркивают, что подмена первоначального смысла вещей происходит, в первую очередь, в рамках идеологических сообщений, то представителями Тартуско-Московской школы понятие вторичной моделирующей системы используется по отношению ко всему массиву культуры, поскольку всякое культурное сообщение выстраивается как надстроенный смысл. Любой язык строится на основе системы эквивалентностей между двумя планами реальности. Вторичные моделирующие системы, надстраиваясь над реальностью, выражают ее в новой форме. Тем не менее, ни одна моделирующая система не может воссоздать реальность в полном масштабе, она отражает лишь некоторые избранные ее стороны. Иными словами, она в буквальном смысле строится как моделирование реальности. Аналогичным образом, исследование самих моделирующих систем не может охватить их в полном объеме и основывается на выявлении структур, лежащих в их основе. По отношению к реальному тексту, в котором она воплощается, структура всегда оказывается более системной и упорядоченной. Признавая это, тартуско-московские исследователи невольно признают идеологическую природу любого культурного текста, поскольку он отражает мир с некоторых ограниченных позиций, а также идеологический аспект деятельности самого исследователя, который по отношению к тексту пытается построить объяснительную модель, будучи детерминирован спецификой своего взгляда на мир.

Достаточно спокойное, в отличие от западных исследователей, отношение семиотиков Тартуско-Московской школы к идеологическому, а точнее, полное отсутствие критики явных и скрытых идеологических течений, пронизывающих текст, обусловлено не только социально-политическими обстоятельствами, но, скорее, особенностями понимания самого идеологического. Если, например, французские исследователи следуют марксистскому пониманию идеологии как совокупности социально обусловленных «иллюзий класса о самом себе» [5, с. 46], которые призваны обосновывать господство власть имущих, то группа тартуско-московских семиотиков следует не за марксистским, а за более широким, так называемым, дескриптивным определением идеологии. Например, Б. А. Успенский понимает под идеоло-

гическим уровнем текста тот, который связан с «общей системой идейного восприятия» [6, с. 22]. Иными словами, любая сформировавшаяся позиция по отношению к миру, каждая целостная система мировоззрения, отраженная в тексте, рассматривается как идеологическая.

Особая трактовка идеологии, наследуемая тартуско-московскими семиотиками у традиции русского литературоведения, сегодня может быть органично вписана в социально-онтологический подход к пониманию феномена идеологии, значимость которого постепенно повышается по сравнению с узкими политическими интерпретациями. В соответствии с онтологическим подходом под идеологией понимается совокупность взглядов, ценностей и норм поведения, разделяемая социальной группой и заданная ее уникальным местом в социальной структуре. Иначе говоря, идеология теряет свою окраску искаженной картины мира, детерминированной распределением власти и противопоставляемой некоему объективному взгляду на мир, и приобретает характер своеобразного коллективного мировоззрения, способа социальной идентификации, выражаемого, в том числе, и в речевых практиках членов группы. Следует отметить, что именно онтологический подход все чаще берется на вооружение и современными направлениями текстового анализа, ориентированными на вскрытие взаимосвязей между особенностями идеологической системы группы и продуктами ее речевой деятельности.

В этом контексте, некоторые важнейшие методологические принципы, разделяемые представителями Тартуско-Московской школы, дают основание для положительного ответа на вопрос о возможности применения их методологии для анализа различных идеологических позиций в тексте. Первой из таких основополагающих презумпций в плане структурного анализа является пространственное понимание текста. Текст пространственен, как в силу того простого факта, что он размещается на определенном материальном субстрате, так и потому, что информация в нем особым образом организована и иерархически распределена. Кроме того, текст – не просто особое пространство, но единство пространственно-временной структуры, т.е. хронотоп, в терминологии М. М. Бахтина. Как отмечает В. Н. Топоров: «пространство возникает не только и, может быть, не столько через от-деление его от чего-то, через вы-деление его из Хаоса ..., но и через раз-вертывание его вовне по отношению к некоему центру...» [7, с. 239]. Для русских семиотиков текст подобен сложно структурированному организму, иерархической системе, хотя он и предполагает принципиальную множественность и подвижность границ центра и периферии.

Проблема понимания идеологического так же фокусируется вокруг ментальной топологии и географии, где система идеологических ценностей оказывается отражением взгляда коллективного субъекта на мир с некой заданной позиции в социальном пространстве. При этом центром любой идеологической системы оказывается своеобразное членение мира, проведение в нем границ между групповыми интересами и внешним пространством. Как показывают Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров, структурно текст

следует схожей топологии, выстраиваясь вокруг идейного ядра и периферийных структур. Центральной проблемой исследователя становится попытка разработать общую теорию композиции, которая бы занималась закономерностями структурной организации текста и выявлением содержащихся в нем точек зрения, «то есть авторских позиций, с которых ведется повествование (описание)» [6, с. 16].

Помимо того, особые возможности для выявления связанности текста с идеологическими структурами предоставляет развиваемая Ю. М. Лотманом, аналогия текста и личности. Текст в рамках русской семиотики есть «семиотическая личность» [8, с. 15]. При этом личность понимается как интеллектуальная личность, поэтому текст понимается как мыслящее устройство, способное к интеллектуальному усилию. Предлагаемая тартуско-московскими исследователями структура текста в виде жесткого ядра и энтропийной периферии во многом напоминает характерную структуру личности. Для сравнения можно привести рассуждения А. Ф. Лосева о структуре личности: «Реальная личность должна иметь пребывающее ядро и переменчивые акциденции, связанные с этим ядром как его энергичные самопроявления» [9, с. 72]. Собственно, даже функции текста, выделяемые членами школы, воспроизводят важнейшие способности личности. Как возможность процесса индивидуации связана с появлением механизмов памяти, так и способность текста функционировать в качестве интеллектуального устройства связана с функцией конденсирования информации, на основе которой в дальнейшем возможно творческое ее преобразование. Кроме того, как и личности, любому тексту присуща в определенной мере автономность поведения. Поскольку же личность немислима вне целостного мировоззрения, упорядоченной системы взглядов, то строго следуя заданной Ю. М. Лотманом аналогии, можно сделать вывод о некотором внутреннем структурном и идейном, т.е. идеологическом, единстве текста, которое позволяет ему при всех трансформациях оставаться собой и воспроизводить свою структуру.

Тем не менее, тартуско-московские исследователи отчетливо осознают, что приписать тексту однозначную структуру, в том числе, можно было бы дополнить, и единственную идеологическую структуру, – значит заведомо упростить объект исследования. Таким образом, семиотические исследования приводят представителей школы к осознанию необходимости построения динамических моделей текста, которые имеют то преимущество, что позволяют учитывать несистемные элементы.

В этом контексте, особую значимость имеет пересмотр представителями Тартуско-Московской школы понятия кода – квинтэссенции идеологического воздействия. Уже на ранних этапах исследовательской деятельности была отмечена опасность использования термина «код», поскольку он несет представление о «структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью» [10, с. 16]. Код не подразумевает истории и развития, ориентирует на некий жесткий искусственный язык и статические модели. В оппозиции «код – текст» именно текст обретает первичную

реальность. В большинстве случаев люди сталкиваются с уже готовыми культурными текстами и на их основе вынуждены воссоздавать дешифрующие коды. Кроме того, коды множественны и наслаиваются друг на друга. В результате того, что возможна перестройка кодов, создается возможность для бесконечного порождения новых смыслов.

Несомненно, что на признание тартуско-московскими семиотиками многоязычия в качестве исходного принципа текста огромное влияние оказали работы М. М. Бахтина. Однако Бахтин подчеркивает, что диалог, хотя и требует языка для своей реализации, но репрезентируется не в самом языке. Вступать в диалогические отношения языки, языковые стили и диалекты могут лишь «при условии трансформации их в «мировоззрения» (или некие языковые или речевые мироощущения), в «точки зрения», в «социальные голоса»» [11, с. 329]. В рамках же Тартуско-Московской школы диалогизм из конкретной и смыслонаполненной встречи сознаний трансформируется в формальный принцип, задающий структуру и функционирование текста. Полиглотизм, таким образом, становится тем методологическим принципом, который, с одной стороны, не позволяет рассматривать текст в качестве прямой репрезентации идеологической системы автора, а с другой – позволяет избежать репрессивного отношения к тексту со стороны исследователя. Понимание текста как «нарочито многозначной словесной игры» [12, с. 53], поля столкновения разнонаправленных импульсов, тем не менее, еще не означает впадение в некие крайности: напротив, Тартуско-Московская школа занимает умеренные позиции между тотальностью кода в классическом структурализме и мультипликацией множественности в постструктурализме.

Наиболее плодотворными возможностями для анализа идеологических структур и функций текста обладают идеи тартуско-московских семиотиков, затрагивающие проблемы прагматики текста, т.е. тех связей, в которые вступает функционирующий в культуре текст. Интерес к прагматике зарождается в связи с осознанием того, что механизм семиозиса предполагает взаимоотношение текста с чем-то иным, с выходящим за его собственные границы семиотически организованным контекстом. Иными словами, текст уже должен быть погружен в объемлющий его смысловой универсум, чтобы осуществлять свою творческую активность.

При исследовании связей текста и контекста для русских семиотиков определяющее значение играет феномен границы как системы фильтров, переводящих внешние тексту сообщения на его внутренний язык. Причем проблема границы оказывается неразрывно связанной с уже отмечавшейся проблемой «точки зрения». Оппозиция текста и контекста означает оппозицию внутренней и внешней точек зрения, а в данном контексте, мы бы сказали, идеологии автора текста и противопоставляемой ей идеологии Другого. При этом разные точки зрения могут выражаться разными стилистическими средствами, как например, чередование обратной перспективы в центре и выпуклых форм «усиленно-сходящейся» перспективы по краям изображения в исследованных Б. А. Успенским иконических текстах [13, с. 260]. Иными сло-

вами, изображение ценностно, идеологически неравновесных текстовых структур дается в разных знаково-символических системах.

Поскольку текст, отмечает, например, А. М. Пятигорский, предстает как сообщение только в рамках семиотической ситуации, а семиотический процесс – это всегда процесс коммуникационного взаимодействия: «в понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории, причем эти последние могут не совпадать по своим объемам с реальным автором и реальной аудиторией» [10, с. 102]. А так как в рамках тартуско-московских исследований текст понимается по аналогии с развивающимся организмом, фигура создателя оказывается здесь весьма значимой. Ю. И. Левин, например, понимает текст как «повествование, объединенное единством повествователя, реального или фиктивного» [14, с. 45]. Текст как единство системных и внесистемных элементов зависит от автора, поскольку образуется на пересечении, с одной стороны, господствующих в данной культурной ситуации знаковых систем, с другой – семиотических особенностей отправителя сообщения. Текст как определенный способ моделирования реальности, а следовательно, идеологическое образование, по мнению Ю. М. Лотмана, – «лишь элемент более сложной структуры, существующей только в отношении к таким структурным понятиям, как «модель мира» и «модель авторской личности», мировоззрение в наиболее широком смысле этого понятия» [15, с. 33].

В диаде «автор–читатель», особенно на ранних этапах своего творчества, тартуско-московские исследователи понимают читателя как подчиненную и пассивную инстанцию. Читатель настроен на понимание текста, поскольку имеет представление о его внетекстовых связях, включенности в контекст традиции и иных сходных текстов. Восприятие текста строится на основе постепенного применения к знаковому материалу текста заданных ожиданиями кодов, при этом читатель сравнивает свой гипотетический код с кодом автора произведения. Процесс взаимодействия автора и реципиента понимается представителями Тартуско-Московской школы как игра автора против читателя, где именно автор закладывает в текст определенные сигналы, позволяющие читателю ориентироваться в том, какой код применить в той или иной ситуации. Вследствие этого текст и оказывается способным выполнять определенные функции, т.е. «вызвать ответное действие объекта, которое выразится либо в изменении поведения объекта, либо в сигнале с его стороны, либо в ответном текстовом сообщении» [16, с. 23]. Таким образом, хотя представители школы и не говорят открыто об идеологическом воздействии, реализуемом посредством текста, но исследованные ими процессы взаимодействия текста, автора и читателя все же позволяют вскрыть идеологическую функцию текста, детерминированную фигурой автора или, более широко, создателя текста, который, обладая своей моделирующей системой, стремится навязать ее адресату, добиться того, чтобы читатель при восприятии текста руководствовался созданным им кодом.

Тем не менее нельзя и упрекнуть тартуско-московских семиотиков в упрощенном понимании процессов взаимодействия текста и воспринимаю-

щего, поскольку ими разрабатывается не только ситуация подавления текстом читателя, но и событие общения читателя с текстом. «Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная – «потребитель общается с текстом» [17, с. 132]. И хотя даже эта исправленная формула, подспудно предполагает некоторую пассивность читателя, в связи с привычными коннотациями термина «потребитель», однако в данном случае процедура восприятия текста существенно усложняется, простая дешифровка уступает место общению двух семиотических личностей. Тем не менее, по мнению тартуско-московских исследователей, возможности таких трансформаций текста все же конечны, что подтверждается забвением многих культурных текстов в ходе истории. «Прагматические связи могут актуализовывать периферийные или автоматические структуры, но не способны вносить в текст принципиально отсутствующие в нем коды» [17, с. 153]. Следует отметить и то, что даже тексты, разрушенные несвойственными им кодами, могут продолжать свое существование в культуре уже в качестве материала для создания новых, вторичных текстов. Иными словами, процесс семиозиса оказывается бесконечным, текст понимается, в терминах, введенных еще немецким лингвистом В. фон Гумбольдтом, не как «мертвый продукт, но как созидательный процесс» [18, с. 64].

Делая некоторые обобщения, следует отметить: несмотря на то, что представители Тартуско-Московской школы не предлагают какую-то явную методологию идеологического анализа, однако при соответствующей интерпретации базовые стратегии текстового анализа, предложенного школой, все же могут быть вплетены в поле современных исследований идеологии. С этой точки зрения, феномен текста, реконструируемый тартуско-московскими семиотиками, может быть рассмотрен как пространство реализации идеологической системы, заданной ему автором и отражающейся на структурной, динамической и прагматической сторонах текста. Тем не менее, руководствуясь основными идеями школы, следует отметить, что даже наличие в тексте достаточно устойчивого идеологического ядра, не отрицает возможности ускользания от тоталитаризма единственной идеологической позиции. Это обусловлено не только презумпцией гетерогенности, но и тем, что текст не существует изолированно, он включен в обширное поле культуры и является частью глобальной ситуации коммуникации, обращаясь в пространстве пересечения сознаний, репрезентирующих различные социальные позиции и интересы. Даже однозначно идеологически нагруженный текст может не реализовать необходимое идеологическое воздействие, поскольку он может стать основой для интерпретации со стороны читателя. Текст предлагает и намекает, какой ключ читатель мог бы использовать, но лишь от нас зависит: последовать проторенной дорогой или попытаться найти собственный путь в поисках смысла.

Список цитированных источников

1. *Якобсон, Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. 1985.
2. *Бахтин, М. М.* Марксизм и философия языка / М. М. Бахтин // Тетралогия. – М., 1998.
3. *Барт, Р. S/Z* / Барт Р. // S/Z. – М., 2001.
4. *Барт, Р.* Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
5. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Сочинения: в 3 т. / К. Маркс, Ф.Энгельс // Немецкая идеология. – М., 1955. – Т. 3.
6. *Успенский, Б. А.* Поэтика композиции. – СПб., 2000.
7. *Топоров, В. Н.* Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
8. *Лотман, Ю. М.* О семиосфере / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1.
9. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность. – М., 1994.
10. *Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб., 2000.
11. *Бахтин, М. М.* 1961 год. Заметки / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в. 7 т. – М., 1996. – Т. 5.
12. *Лотман, Ю. М.* Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1.
13. *Успенский, Б. А.* Семиотика иконы / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. – М., 1995.
14. *Левин, Ю. И.* Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х. Л. Борхеса / Ю. И. Левин // Труды по знаковым системам. – 1981. – Т. 14.
15. *Лотман, Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – 1961. – Т. 1.
16. *Пятигорский, А. М.* Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала / А. М. Пятигорский // Избранные труды. – М., 1996.
17. *Лотман, Ю. М.* Текст как семиотическая проблема / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1.
18. *Гумбольдт, В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1991.